

Грицына Светлана Викторовна

МЕТАФОРА В СТАРОУКРАИНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАНЕГИРИКОВ КОНЦА XVI - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.)

В статье на материале староукраинских панегириков конца XVI - первой половины XVII в. проанализирована метафора, обозначающая достоинства восхваляемых культурных и религиозных деятелей, как один из наиболее показательных тропов для определения лингвопоэтической специфики раннебарочного текста. Исследование источников образности барочных метафор показало, что в панегириках выявляется синкретичность библейского, античного и светского элементов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 48-51. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 811.161.2:821.161.2-141-45/16”

Филологические науки

В статье на материале староукраинских панегириков конца XVI – первой половины XVII в. проанализирована метафора, обозначающая достоинства восхваляемых культурных и религиозных деятелей, как один из наиболее показательных тропов для определения лингвопоэтической специфики раннебарочного текста. Исследование источников образности барочных метафор показало, что в панегириках выявляется синкретичность библейского, античного и светского элементов.

Ключевые слова и фразы: барокко; панегирик; метафора; источники образности; староукраинский литературный язык конца XVI – первой половины XVII в.; историческая лингвопоэтика.

Грицына Светлана Викторовна

*Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина
Sveta_Sunny@ukr.net*

МЕТАФОРА В СТАРОУКРАИНСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАНЕГИРИКОВ КОНЦА XVI – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVII В.)[©]

Возрастание научного интереса к проблемам славянского языкового барокко обусловило открытие новых подходов к изучению барочных инноваций в текстах XVII в. с позиций лингвопоэтики. Среди текстов этого периода одними из наиболее значимых и популярных стали старопечатные кириллические панегирики конца XVI – первой половины XVII в., которые как жанр отдельно не рассматривались украинскими лингвистами.

Известно, что лингвопоэтический подход позволяет раскрыть языковую сущность отдельного текста с точки зрения эстетически маркированных единиц. Прежде всего, это относится к стилистическим фигурам и тропам.

На материале панегириков мы исследовали метафоры, антитезы, сравнения, символы и другие языковые маркеры, но наиболее показательной для изучения барокко стала метафора, которая является не только тропом, компонентом поэтического текста, но и своеобразным «индикатором», часто определяющим культурные и духовные доминанты эпохи, особенности стиля и жанра текста, а также авторский выбор. Кроме того, «метафора как осознанное речевое действие связана с феноменом языковой личности» [1, с. 17] и является одним из наиболее удачных и актуальных средств для передачи мироощущения человека эпохи барокко, которая, по мнению Ж. Делеза, «непрестанно производит складки» [5, с. 6].

Метафора барокко неоднократно становилась предметом заинтересованности ученых. Так, известны исследования развернутой метафоры в украинской поэзии XVI–XVIII вв. (В. И. Кречетень, М. Сулима [13]), генезиса и особенностей структуры поэтической метафоры этого же периода (Л. О. Андриенко [2]), стилистики метафоры барокко конца XVI – первой половины XVII в. (И. Г. Гуцуляк [4]), семантики метафор в украинский барочных проповедях второй половины XVII в. (О. Ю. Зелинская [8]).

Актуальность статьи состоит в том, что лингвопоэтический подход к изучению метафоры на материале староукраинских раннебарочных панегириков до этого времени не применялся. Такое исследование поможет частично реконструировать языковое сознание барочного книжника и расширить научные представления о метафоре барокко как феномене староукраинского литературного языка с точки зрения ее традиционности/инновационности, синкретичности, жанровой специфики.

Целью работы является исследование лингвопоэтического потенциала метафоры в панегириках конца XVI – первой половины XVII в., одном из наиболее образцовых и распространенных барочных жанров.

Для реализации указанной цели необходимо решить следующие **задачи**: выявить в текстах панегириков эстетически маркированные языковые единицы (метафоры), проанализировать закономерности их употребления в тексте, учитывая экстралингвальные факторы; определить источники образности метафор в раннебарочных панегириках.

Объектом нашего исследования является лингвопоэтика барочных староукраинских панегириков конца XVI – первой половины XVII в., **предметом** – анализ жанровой специфики поэтической метафоры с точки зрения источников ее формирования и синкретичности в тексте.

Основой исследования стали тексты «среднего стиля» (по Ф. Прокоповичу [15]), в частности кириллические панегирики С. Почаского, Я. Седовского, А. Митуры, К. Саковича, Г. Бутовича, П. Беринды, Т. Земки, а также анонимных авторов. Учитывая ограниченный объем статьи, для иллюстрации метафорической образности предлагаем лишь некоторые из них.

Среди исследуемых панегириков выделяем группу поздравительных (энкомии) и погребальных (эпидеии), которые соотносятся с барочными проповедями на погреб (З. Копыстенский «Казанье на честномъ погребѣ Елисея Плетенецкого» (1625) [11], «Омилия, албо казанье на роковую память... Елисея Плетенецкого» (1625) [10], М. Смотрицкий «Казанье на чест(ь)ны(й) погребъ... отца господина Леонтия Карповича» (1620) [17]). В статье характеризуем метафору в поздравительных панегириках, посвященных известным культурным и религиозным деятелям конца XVI – первой половины XVII в. – Петру Могиле, Елисею Плетенецкому, Михаилу Рогозе.

Для изучения «переноса» метафор мы обращались к тексту Острожской Библии 1581 г. [14], которая позиционировалась как авторитетная книга, хорошо известная барочным книжникам, и служила одним

из источников метафорической образности. Выбор именно Острожской Библии мотивирован тем, что это первое полное издание книг Священного Писания, напечатанное на церковнославянском языке.

Вместе с тем, «художественная метафора как языковой, когнитивный и культурный феномен тесно связана с социокультурной средой, в которой она возникает и функционирует» [12, с. 89]. Несоответствие между привычными представлениями о мире и новым видением его составляющих привело к изменениям в мировосприятии человека эпохи Барокко. В такой ситуации книжники пытались подобрать новые средства для изложения мыслей, чтобы создать эстетический эффект и яркие впечатления от «сочетания несочетаемого». Одним из таких средств была метафора, которая «основывается на способности человеческого сознания находить аналогии между любыми объектами действительности» [18, с. 172].

Учение о метафоре как составляющая часть поэтической теории было объектом интереса профессоров Киево-Могилянской коллегии (позже – академии). Так, преподаватель поэтики Митрофан Довгалецкий в работе «Сад поэтический» (1736) рассматривал метафору как «перенос собственного значения одного слова на несобственное, учитывая определенное сходство» [6, с. 303]. Изучая панегирики, созданные по предписаниям барочных поэтов, мы делаем своеобразный метонимический перенос понятия «поэтика», применяя современный лингвопоэтический подход к изучению барочной метафоры в этих текстах.

Поскольку панегирик – жанр, который предполагал восхваление знатных лиц, метафору здесь рассматриваем как один из инструментов для характеристики автором достоинств адресата. Мы анализируем метафору не в динамическом аспекте (например, Л. О. Андриенко [2] изучала метафору всего барочного периода, от XVI до XVIII вв.), а в статическом, синхроническом, поскольку одной из основных задач исследования является определение жанровых измерений раннебарочных инноваций, которые, безусловно, в первую очередь представлены метафорами. Отметим, что в своей работе Л. О. Андриенко акцентирует внимание на жанровой специфике, в то время как настоящее исследование направлено на раскрытие метафорического потенциала жанра панегирика, получившего наибольший подъем и популярность в эпоху Барокко [Там же].

Исследователи художественных текстов определяют такие источники образности метафоры: Священное Писание, патристическая литература, античная мифология, быт, человек, природа, предметы, фольклор, архетипные символы, нравственные понятия, барочный концептизм и др.

Проанализировав кириллические панегирики конца XVI – первой половины XVII в., предлагаем уточнить классификацию основных источников образности раннебарочных метафор: христианское вероучение (разнообразные проявления духовного начала), античность (прецедентные имена), светские реалии – опосредствованно. Необходимо акцентировать внимание на синкретичности метафорических источников образности, ведь обязательным и неотъемлемым элементом создания барочной метафоры является возможность комбинировать или переосмысливать вышеназванные источники, создавать новые поэтические смыслы, барочные концепты.

К первому источнику образности, которым является христианское вероучение, относятся метафоры *пастырь* (*стада*), *корень*, *овощ*, *камень*, *диамант*.

Автор «Просфонимы» метафорически характеризует Михаила Рогозу как пастыря, что делает митрополита более величественным: *Радѣисѣ граде <, > оусердно пастырѣ пріємлюци* [16, с. 4] (рус. *Радуйся, город, усердно пастыря принимая* – здесь и далее перевод наш – С. Г.); *жезломъ пастырства своего* [Там же, с. 11] (рус. *жезлом пастырства своего*).

Метафора «*пастырь стада*», которая традиционна для барочных текстов, есть и в панегирике «Възерунок цнот... Елисея Плетенецкого»: *Который тѣ Пастыремъ до своего стада / Убралъ бытии* [3, с. еі] (рус. *Который выбрал тебя пастырем для своего стада*).

В «Евхаристионе» Петр Могила также называется «пастырем», «патроном» и «фундатором», что подтверждает контекстуальную синкретичность метафоры: *Пастырѣ <, > Патроне <, > и фѣндаторѣ нашѣ* [7, с. 3] (рус. *Пастырь, патрон и основатель наш*); *Утвори же, вельможный покровитель, врата твоей доброжелательности*. С помощью эпитета «вельможный» автор придает метафоре семантику «знатный, могущественный», а номинации «патрон» и «фундатор» возвышают заслуги Петра Могилы как основателя Киево-Могилянской коллегии.

Метафора «пастырь» встречается и в Острожской Библии: *дворъ овецъ пастырѣ нб(с)наго* [14, с. 9] (рус. *двор овец пастыря небесного*); *(и) чаите пастырѣ вашого (иже) дастъ вамъ покои вѣчныи* [Там же, с. 765] (рус. *и ожидайте вашего пастыря, который даст вам вечный покой*), где так называется Бог.

Метафоры «корень», «овощ» также библейского происхождения: *аце корень стѣ <, > (то) и вѣтви* [Там же, с. 1795] (рус. *если корень святой, то и ветви*); *ѡ(т) плод(а) правдѣ прозѣбаетъ древо живота* [Там же, с. 991] (рус. *из праведного овоща вырастает древо жизни*). «Възерунок цнот... Елисея Плетенецкого» прежде всего метафорически воспеваает род Плетенецких: *Ѣ коренѣ доброгѣ ѡвощѣ ѡсобливый* [3, с. еі] (рус. *От хорошего корня особенный овощ*). Рядом с метафорами «корень» и «овощ» – эпитеты «доброгѣ» и «особенный», которые акцентируют избранность и незаурядность рода Плетенецких.

Как и другим панегирикам, «Имнологии» присущ мотив веры, противопоставление которой – безверие: *Корень злѣбы невѣріѣ* [9, с. слз] (рус. *Корень злѣбы – неверие*).

Стойкость веры и сила воли Петра Могилы представлены метафорами «камень», «диамант»: *Стѣсь и Діамен(ъ)томъ <, > гды перешкоды и клопоты за школы терпеливе зносишь* [7, с. 4] (рус. *Ты – диамант, если преграды и хлопоты о школах терпеливо выдержишь*); *ты Каменемъ неѡшачованы(м)...* бѣдѣчи [Там же, с. 3] (рус. *ты – камень неотшлифованный*). Эпитет «неошачованым» («неотшлифованным») подчеркивает высшую степень ценности Петра Могилы в чине митрополита, как и соотнесение с апостолом Петром, камнем веры.

Образ камня подтверждает Острожская Библия: *гь камень мои <, > оутврѣженіе мое <, > и спситель мой* [14, с. 501] (рус. *Господи, мой камень, моя твердыня и спаситель мой*).

К античным истокам образности восходят метафоры *всех муз Цицерон, сил Атлянтовых, Феб (давоц свѣтлости), Прометей, Олимп славы* и др.

Так, автор «Евхаристириона» называет Петра Могилу античным именем Цицерон, тем самым подчеркивая его выдающиеся ораторские качества: *Всѣхъ стѣхо стѣчонихъ(ь) <, > всѣхъ Мѣзь Цицероне* [7, с. 24] (рус. *Всех ученых утешение, всех муз Цицерон*). Не случайно и метафорическое сравнение митрополита с Атлантом: *Стесть силъ Атлан(ь)товыхъ <, > гды в(ь) такъ тѣжкихъ трудахъ... оуставати не хоче(ш)* [Там же, с. 4] (рус. *Имеешь силу Атланта, если в таких тяжких трудах не устаешь*). Именем древнегреческого титана, который держал на своих руках небо как наказание за участие в войне титанов против богов, автор называет современного ему Петра Могилу, тем самым в метафоре «сил Атлянтовых» показывая величайшую силу характера и выдержку митрополита. Таким образом, можем увидеть «складку» временных парадигм античности и XVII в., что было свойственно лингвопоэтике барокко.

Софроний Почаский также переносит черты Феба – древнегреческого божества света – на Петра Могилу: *Фебе давоц свѣтлости <, > всего свѣта око* [Там же, с. 32] (рус. *О светлоликий Феб, глаз всего мира*), а его род считает достойным Олимпа: *Шли(м)нѣ славы цныхъ МОГИЛШВЪ* [Там же, с. 36] (рус. *Олимп славы благородных Могил*). Метафора «Олимп славы Могил» синкретична, поскольку объединяет различные источники образности.

Синкретизм античного и христианского источников образности подчеркивает «Евхаристирион», в котором образ Прометея объединяется с образом отца: *Ѣче <, > Прометѣшмъ званый* [Там же, с. 10] (рус. *Отче, называемый Прометеем*). Таким образом, Софроний Почаский сравнивает Петра Могилу с мудрым, дальновидным титаном, который подарил людям огонь веры.

Светские реалии как отдельный источник метафорической образности отдельно не выделяем, поскольку они проявляются часто в синкретизме с другими источниками. Так, в панегириках отмечаем синкретизм религиозных и светских метафор, поскольку анализируемые тексты посвящались известным деятелям, которые сочетали и высокий светский статус, и церковный сан. К примеру, в «Имнологии» анонимный автор для прославления Петра Могилы прибегает к известному образу пастыря (стада), который верен христианству, рядом с метафорами «*вожъ*», «*при Христѣ гетмане*», что отличает новые сочетания слов: *Бѣжъ нашъ Вож(ь) и Пастырь <, > при Хѣ Гетмане* [6, с. сѣс] (рус. *Как наш вождь и пастырь, гетман при Христе*).

Александр Митура пишет о благодарности Бога архимандриту, которая выражена метафорой «*корону... хвалы*»: *дасть ти коронѣ Бѣ хвалы своєї* [3, с. еі] (рус. *даст тебе Бог корону своей хвалы*). Важно отметить, что в панегирике совмещаются светский элемент «корона» и церковный, как корона «*божьей хвалы*».

Автор панегирика «Эвфония веселобрмьячаа» прежде всего прославляет Петра Могилу как защитника всех православных: *Масиъ <, > Руссиѣ <, > южѣ теперъ ... / ... Триумфѣ годинѣ <: > / Ѣто Правѣ твоихъ Петръ естъ ѡборона* [19, с. тн] (рус. *Ликуй, Россия, ибо теперь Петр – защитник твоих прав*).

В этом панегирике особенно интересен синтез античного и христианского элементов: *же есте(с) Парнассиѣ аѡн(н)скихъ / Фѣдаторомъ <, > Пастыремъ ты(х) краевъ Стѣн(н)ски(х)* [Там же, с. тѣ] (рус. *Ты – фундатор парнасов афонских, пастырь тех краев сионских*). Чтобы подчеркнуть величие Петра Могилы, автор использует образы Парнаса, Афона, Сиона (высшая степень святости), фундатором и пастырем которых, в образном значении, является митрополит.

Таким образом, лингвопоэтическое исследование метафоры как одного из наиболее ярких и продуктивных тропов в староукраинском литературном языке конца XVI – первой половины XVII в. показало, что сознание барочного книжника прежде всего было сосредоточено на Библейском контексте, обусловленном традицией. Метафоры, источником образности которых была античность, отличаются новизной, причиной чему ренессансное обращение к античности, латиноязычное образование, барочная актуализация античности. Метафоры, имеющие в основе светские источники образности, часто проявляются в синкретичном контексте, что объясняется прославлением реальных людей, известных культурных и религиозных деятелей, например, митрополита Петра Могилы как основателя Киево-Могилянской коллегии.

В связи с этим можно проследить различные процессы перенесения и инноваций в панегириках и других барочных текстах различных жанров и стилей, соотносить метафору с другими эстетически маркированными элементами, как и сравнить лингвопоэтический потенциал староукраинских энкомий с латинскими, польскими, русскими, рассматривать лингвопоэтику, в частности историческую, в связи с когнитологией и дискурсологией.

Список литературы

1. Авдеенко И. А. Символ и метафора // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3. Ч. 2. С. 16-18.
2. Андриенко Л. О. Генезис и особенности структуры поэтической метафоры барокко: дисс. ... к. филол. н.: 10.02.01. К., 1997. 160 с.
3. Вѣзерунокъ цнотѣ... Єлисеѣ Плетенецкого, 1618// Титов Ф. И. Материалы для истории книжного дела на Украине в XVI-XVIII вв.: сборник предисловий к украинским старопечатным книгам. К.: Типография УАН, 1924. С. di-si.
4. Гуцуляк И. Г. Языковой стиль украинского поэтического барокко: дисс. ... к. филол. н.: 10.02.01. Черновцы, 2005. 353 с.
5. Делез Ж. Складка. Лейбниц и барокко / общ. ред. и послесл. В. А. Подороги; пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Логос, 1997. 264 с.
6. Довгалецкий М. Поэтика (Сад поэтический). К.: Искусство, 1973. 436 с.
7. Евхаристирион аѡво вѣдчностъ Петру Могилаѣ, 1632: старопеч. изд. // Национальная библиотека Украины им. В. И. Вернадского (НБУВ). Шифр: Кир. 27.

8. **Зелинская О. Ю.** Семантика метафор в украинских барокковых проповедях // Славянские народы и их культуры: традиция и современность. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. С. 133-137.
9. **Имнология**, 1630 // Титов Ф. И. Материалы для истории книжного дела на Украине в XVI-XVIII вв.: сборник предисловий к украинским старопечатным книгам. К.: Типография УАН, 1924. С. **слд-сли**.
10. **Копистенський З.** **Щмилна албо казанье на роковюю память... Ёлиссея... Плетенецкого**, 1625: Старопеч. изд. // НБУВ. Шифр: Кир. 801 (4).
11. **Копыстенский З.** Казанье на честном погребѣ... Елиссея Плетенецкого, 1625 // Титов Ф. И. Материалы для истории книжного дела на Украине в XVI-XVIII вв.: сборник предисловий к украинским старопечатным книгам. К.: Типография УАН, 1924. С. **рі-рке**.
12. **Кравец Л. В.** Динамика метафоры в украинской поэзии XX в.: монография. К.: ИЦ «Академия», 2012. 416 с.
13. **Креготень В., Сулима М.** Развернутая метафора как форма художественного изображения в украинской поэзии XVI-XVIII вв. // Второй международный конгресс украинистов. Доклады и сообщения. Литературоведение. Львов: Институт украиноведения им. И. Крипьякевича АН Украины, 1993. С. 58-59.
14. **Острожская Библия, 1581** / обработал и подготовил к печати иеромонах архимандрит др. Рафаил (Роман Торконяк). Львов, 2006. 1957 с.
15. **Прокопович Ф.** Философские сочинения: в 3-х тт. / пер. с лат. К.: Научная мысль, 1979. Т. 1. 512 с.
16. **Просфонима. Привѣт преосвященному архиепископу кир Муханлу**, 1591: старопеч. изд. // НБУВ. Шифр: Коллекция Попова 158.
17. **Смотрицкий М.** Казанье на честный погреб... о. Леонтия Карповича, 1620: старопеч. изд. // ННБВ. Шифр: Кир. 728 (1).
18. **Сошко О. Г.** Метафорические модели фразеологизмов, обозначающих морально-этические характеристики человека (на материале украинского, немецкого и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7. Ч. 2. С. 169-173.
19. **Э ф ѿ веселоврмача**, 1633 // Титов Ф. И. Материалы для истории книжного дела на Украине в XVI-XVIII вв.: сборник предисловий к украинским старопечатным книгам. К.: Типография УАН, 1924. С. **тс-ті**.

METAPHOR IN THE OLD UKRAINIAN LITERARY LANGUAGE (BY THE MATERIAL OF EULOGIES OF THE END OF THE XVI CENTURY - THE FIRST HALF OF THE XVII CENTURY)

Gritsyna Svetlana Viktorovna

Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine

Sveta_Sunny@ukr.net

In the article by the material of the Old Ukrainian eulogies of the end of the XVI century – the first half of the XVII century the author analyses the metaphor for designation of virtues of eulogized cultural and religious figures as one of the most significant tropes for the identification of the linguopoetic specificity of the early baroque text. The study of the figurativeness sources of baroque metaphors shows that in the eulogies syncreticity of biblical, antique and secular elements is revealed.

Key words and phrases: baroque; eulogy; metaphor; sources of figurativeness; the Old Ukrainian literary language of the end of the XVI century – the first half of the XVII century; historical linguoetics.

УДК 81'367.623

Филологические науки

В данной статье рассмотрены семантические и стилистические особенности адъективной репрезентации категории «качество». Основное внимание автор акцентирует на использовании новых методов исследования языка и языковых репрезентаций, таких как электронные словари, позволяющие проводить исследование на больших массивах данных. В качестве материала исследования были выбраны единицы английского языка с учетом региональных вариантов. Проанализированы имена прилагательные с позиции однозначности / многозначности.

Ключевые слова и фразы: имя прилагательное; категория; корпусная лингвистика; электронный словарь; лексема; лексико-семантический вариант.

Губанова Любовь Георгиевна, к. филол. н.
Северо-Кавказский федеральный университет
gl1307@rambler.ru

Самарина Варвара Сергеевна, к. филол. н.
Северо-Кавказский федеральный университет
kornienko82@yandex.ru

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КАТЕГОРИИ «КАЧЕСТВО» НА МАТЕРИАЛЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СЛОВАРЕЙ[©]

В отечественной и зарубежной когнитивной лингвистике в качестве предмета исследования большой популярностью пользуются лингвокультурные концепты, в качестве основных характеристик которых ученые